

Луи Буссенар

Приключения в стране тигров

Луи Анри Буссенар
Приключения в стране тигров
Серия «Приключения
парижанина», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125614

Аннотация

«– Не плачь. Ну, не плачь же! Лучше расскажи мне, что с тобой стряслось. Может быть, найдется для тебя утешение. Как жаль, что здесь нет ни одного базара игрушек, а то бы я купил тебе барабан, либо рожок, либо бильбоке – и вмиг бы успокоил. Ребенок не понял слов, но почувствовал всю ласковость тона, которым они были сказаны. Он с серьезным видом поднял на иностранца свои черные глаза и продолжал лить слезы – без слов, без рыданий, даже без вздохов...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Луи Буссенар

Приключения

в стране тигров

Книга создана по изданию: Луи Буссенар. Полное собрание романов. Спб., 1911., книгоиздательство П. П. Сойкина. Перевод Е. Н. Киселева

* * *

Глава I

Детские слезы. – Переводчик. – Жертва Людоеда. – Подвиги старого тигра. – Пятьдесят человек в полгода. – Неожиданный мститель. – Фрикэ, парижский гамен. – Послание. – Закладная под тигровую шкуру. – Тигр, который любит человека... есть. – Не судите по наружности. – На охоте. – След. – По джунглям. – Под высокими деревьями. – Поляна. – Человеческие останки. – Мясной склад Людоеда.

– Не плачь. Ну, не плачь же! Лучше расскажи мне, что с тобой стряслось. Может быть, найдется для тебя утешение. Как жаль, что здесь нет ни одного базара игрушек, а то бы я купил тебе барабан, либо рожок, либо бильбоке¹ – и вмиг бы успокоил.

Ребенок не понял слов, но почувствовал всю ласковость тона, которым они были сказаны. Он с серьезным видом поднял на иностранца свои черные глаза и продолжал лить слезы – без слов, без рыданий, даже без вздохов.

По этим безмолвным слезам иностранец догадался, что горе у ребенка не детское, а настоящее, большое, серьезное горе.

– Слушай, – продолжал он, – так нельзя. Кричи. Ори. Катайся по земле или что-нибудь в этом роде, но только не

¹ Игрушка с привязанным к палочке шариком, который подбрасывается и ловится на острие.

плачь такими тихими слезами. Никогда ничего подобного не видел. Ты плачешь, как мужчина. От этого меня всего переворачивает. Впрочем, я и сам не так уж давно ношу усы и не забыл, что у ребенка иногда может быть и серьезное... о, очень серьезное горе. Ну, а вы, прочие, не может ли кто-нибудь из вас поговорить со мной по-французски или хотя бы по-английски? По-английски я еще с грехом пополам могу, а уж по здешнему – не взыщите. Не успел выучиться. Только что приехал в Бирму из Парижа. Не ближний свет.

– Я могу, – раздался голос из толпы человек в двадцать мужчин, женщин и детей. – Мальчик плачет действительно от большого горя. С ним случилась ужасная беда.

К путешественнику подошел высокий индус, бронзовый, как дверь пагоды, и тощий, как факир. Голову украшала громадная белая чалма. Он отдал честь по-военному и прибавил:

– Здравствуйте, сударь.

– Здравствуйте, друг. Вы говорите по-французски и притом хорошо. Где вы научились? Ведь здесь берега Иравадди, в глубине независимой Бирмы.

– Я индус, французский гражданин, из Пондишери. Я служил при губернаторе. Умею обращаться с оружием, знаю кухню. Охотно готов служить вам. Французов люблю, а англичан ненавижу.

– Что же ты здесь делаешь, прости за нескромность?

– Так себе... гуляю.

– Ну, это не Бог вещь какое занятие. Если у тебя нет в виду ничего другого, то отправляйся со мной. Я пробираюсь в Мандалай, а может быть, и дальше. Ты будешь моим переводчиком. Вознаграждением останешься доволен, за это ручаюсь. Согласен?

– С удовольствием, сударь. Я очень рад.

– Превосходно. Приступай же к обязанностям и объясни мне, почему плачет этот мальчик.

– Ах, сударь, это такая грустная история. Яса был один сын у матери, которая души в нем не чаяла. Ему жилось хорошо. Но два дня тому назад несчастную женщину подстерег у фонтана Людоед, утащил и съел. Яса остался сиротой и плачет. Вот и все.

– Бедный ребенок! – сказал иностранец со слезами на глазах. – А что это за людоед? Кто он такой?

– Это старый тигр, отведавший человеческого мяса и не желающий больше никакого другого.

– Я знавал крокодилов с такими же пристрастиями. Но это довело их до беды. Продолжай.

– За полгода Людоед съел пятьдесят человек.

– По два в неделю. У него хороший аппетит. Но неужели здесь не нашлось ни одного храбреца, чтобы пробить ему шкуру? Какие же вы все трусы! Позволять с собой так обращаться!

– Здесь редко кто решится помериться силами с тигром.

– Да? Покажите мне вашего Людоеда, сведите меня с ним

– и я берусь с ним расправиться.

Индус вострепнулся. В глазах его загорелся огонь. Он обратился к толпе по-бирмански:

– Это француз. Он убьет Людоода.

В ответ послышались недоверчивые возгласы и иронический смех.

Молодой человек искоса поглядел на толпу.

– Скоты! – пробормотал он с презрением. – Дают себя есть, как телята, и смеются над теми, кто хочет избавить их от такого бича. По мне – пусть вас поедает тигр, раз вам это так нравится. Не для вас, а для себя и для этого ребенка я примусь за дело – и сделаю его, вот увидите, дураки. Мать этого мальчика будет отомщена.

Туземцы, конечно, не поняли слов молодого человека и продолжали смеяться.

– Смейтесь, дураки, смейтесь. Посмотрим, что вы скажете завтра, когда тигр будет убит. А что он будет убит, за это ручаюсь я, Фрикэ, парижский гамен и путешественник.

Он взял ребенка за руку и сказал:

– Пойдем со мной, маленький мужчина, мы сделаем дело вдвоем.

Ребенок понял только фразу, сказанную индусом: «Он убьет Людоода». Слезы его разом высохли, в глубине черных зрачков загорелся огонек. Он не спускал глаз с незнакомца, в котором неожиданно обрел мстителя за мать.

Парижанин растолкал толпу и, провожаемый ирониче-

скими взглядами, прошел со своим новым спутником в хижину, где двое негров охраняли его вещи.

Он торопливо набросал карандашом несколько строк на листке белой бумаги, завернул в непромокаемый конверт и отдал одному из них, приказав:

– Отнеси это monsieur Андрэ и возвращайся к завтрашнему дню обратно.

В записке было несколько слов:

«Monsieur Андрэ!

Я нашел живность. Нанял переводчика, выследил человеколюбивого тигра, который „любит человека... есть“, как выражался покойный господин Гань. Через два дня явлюсь к вам с продовольствием, с толмачом и со шкурой Людоеда.

Думаю, что вы останетесь довольны вашим мальчиком.

Фрикэ».

Жители бирманской деревни, где остановился парижанин, далеко не разделяли этой уверенности. Они были очевидцами того, как сюда специально для охоты на тигров приезжали из английской Бирмы офицеры британской армии, здоровенные, бородатые великаны в блестящих мундирах. Им сказали про Людоеда. На крепких великолепных конях – не кони, а загляденье: удила все в пене, пар из ноздрей – офицеры прочесали джунгли вдоль и поперек и ничего не нашли. Тогда они выслали загонщиков, которые подняли адский шум, бросали ракеты и петарды в «тигровую траву». Удалось выгнать носорога, черную пантеру, лося, леопарда.

Красномундирники набили целую уйму всякого зверья, но Людоед как в воду канул. Он ужасно свиреп, но притом и хитер до крайности.

Реально ли надеяться на то, что чужестранцу, приехавшему сюда с двумя неграми и парой каких-то ружей, удастся исполнить то, что оказалось не под силу даже таким заправским охотникам?

Да он и невзрачный такой. Не на что посмотреть: низенький, бледненький, одет неважно.

Так судил бы всякий поверхностный наблюдатель.

Но вы пристальнее взгляните в эти светло-голубые глаза, сверкающие из-под козырька пробкового шлема, как стальное лезвие; обратите внимание на эти широкие плечи, на эту шею атлета, на эту выпуклую грудь, как бы рвущуюся наружу из-под фланелевой рубашки... Нет, у Людоеда появился очень опасный противник.

Парижанин не любил терять времени даром, знал ему цену. Он надел через плечо сумку с патронами, опоясался ремнем с револьвером в кобуре и с неизбежным тесаком в ножнах, зарядил два металлических патрона в тяжелую винтовку и знаком подозвал второго черного слугу.

– Лаптот!

– Да, хозяин?..

– Возьми мою большую винтовку для охоты на слонов, затем свой тесак, револьвер и мешок с сухарями и сушеным мясом.

– Готово, хозяин, – отвечал негр по прошествии двух минут.

– Мы идем искать большого, старого тигра. Быть может, придется заночевать где-нибудь в лесу или в джунглях.

– Нам это не впервые. Только кто будет стеречь наши вещи?

– Да никто. Они сами себя постерегут. Впрочем, в хижине может посидеть мальчик и дожидаться нашего возвращения. А ты, господин толмач, – имени твоего я еще не знаю, – изволь проводить нас к тому источнику, где сидит в засаде Людоед.

– Меня зовут Минграсами, сударь.

– Очень хорошо. Когда покажешь мне это место, можешь вернуться сюда, но если пожелаешь остаться при мне, то сделай одолжение. Ты волен выбирать.

– Мне случалось охотиться на тигров в Индии. Я останусь при вас. Я такой же француз, как и вы. А здесь при багаже побудет мальчик.

Но когда сиротка узнал от переводчика, что ему назначено сидеть в хижине, пока охотники будут отсутствовать, он решительно запротестовал и опрометью выбежал вон.

– Не с нами же он намеревается идти! – вскричал Фрикэ. – С моей стороны будет безумием, если я это позволю. Послушай, мальчик, воротись в хижину! – позвал он через переводчика.

Но мальчик не обратил ни малейшего внимания на этот

ультиматум и проворно спустился в пересохшее русло ручья, текущего из джунглей. Оттуда он знаком пригласил своего нового друга идти за собой.

– Позови назад этого маленького безумца! – вскричал Фрикэ. – Скажи ему, что я, так уж и быть, беру его с собой, но только пусть он держится подле меня. Как знать, тигр, чего доброго, уже спрятался тут где-нибудь в тростнике и готов броситься на нас.

Поверив обещанию, мальчик остановился, повернул назад и пошел вслед за Фрикэ. Глаза ребенка горели, личико дышало энергией.

С четверть часа шли молча, но быстро, и достигли рокового источника, где чудовище обычно поджидало своих жертв.

Парижанин никак не мог себе объяснить странного упорства, с каким жители деревни продолжали ходить сюда за водой, вместо того, чтобы подыскать другой источник.

Впрочем, родники на этом плоскогорье не слишком часто встречаются.

Кругом на сырой глинистой почве виднелись многочисленные следы. Фрикэ стал разглядывать их, стараясь отыскать между ними след тигра. Это было не особенно трудно, тем более, что мальчик Яса как раз остановился на том месте, где в момент катастрофы находилась его мать.

– Да, это здесь, – говорил про себя Фрикэ, разглядывая следы тигра. – С этого самого места проклятый зверь кинулся на несчастную женщину и вцепился в нее когтями перед-

них лап, так как видны следы только задних.

Незадолго до этого местные жители пытались выжечь джунгли в районе источника, чтобы лишить возможности хищника прятаться в чаще, подстерегая добычу. Эта попытка удалась лишь наполовину, потому что ветер раздул огонь в одну только сторону, и пламя выбрило в «тигровой траве» полосу, расширяющуюся в виде хвоста кометы.

Фрикэ подумал, что по этой полосе тигр убежал со своей добычей и что придуманная туземцами мера принесла ему только облегчение, потому что бежать по выжженной земле гораздо легче, чем пробираться через густую и высокую степную траву.

Его догадка оказалась верной. Метрах в двадцати от источника на золе от сгоревшей травы были ясно видны следы тигра, причем передние лапы отпечатались гораздо отчетливее задних, вследствие тяжести добычи, которую зверь тащил в зубах.

Следов борьбы не было видно. Несчастливая женщина, очевидно, погибла сразу, как только хищник вонзил ей в шею свои ужасные клыки. У всех животных кошачьей породы хватка мертвая.

Через сто метров зверь остановился и положил добычу на землю, чтобы перехватить ее поудобнее.

Большое пятно засохшей крови краснело тут на беловатом пепле. Над этим зловещим знаком носились с жужжаньем противные зеленые мухи.

Фрикэ и его спутники шли по следу зверя километра два. Дорогу им пересек высохший ручей. Тут кончилась выжженная полоса: огонь был остановлен руслом ручья, как песчаной траншеей.

Тигр – так указывали следы – пустился дальше по этому руслу и бежал еще с километр, не испытывая ни малейшей усталости, если судить опять же по его следам.

Вдруг характер почвы резко изменился: ручей соединился с высохшим болотом, поросшим обильной густой травой и могучими деревьями. Чего только тут не было, каких растений и каких деревьев! Туи, тамаринды, бамбук, дерево резиновое, камедное, тековое, арековая пальма, пух *Vomica*, латании и фикусы... Все это возвышалось над невообразимой путаницей из всевозможных кустарников, карликовых лимонных деревьев и высокой густой травы.

По этой чаще пришлось пробираться поодиночке. Держа в правой руке винтовку, Фрикэ левой раздвигал ветви, которые шипами кололи ему руки, рубить же их было нельзя – это могло спугнуть тигра. А что он наверняка жил здесь – за это можно было ручаться. Об этом свидетельствовал весь характер местности.

На колючках растений часто попадались лоскутки одежды. Ясно было, что хищник проносил тут захваченную добычу.

Фрикэ тихонько обернулся, знаком приказав шедшему сзади мальчику остановиться. Такое же распоряжение полу-

чили и негр с индусом. Эти двое держались достойно, хотя у негра все тело пошло серыми пятнами, а у индуса зубы постукивали словно кастаньеты.

Парижанин пошел вперед один.

Вскоре он почувствовал отвратительный запах гниющего мяса, который на знойно-сыром воздухе был еще отвратительнее. Тем не менее парижанин продолжал продвигаться вперед, как раз в сторону этой вони, и вдруг очутился на полянке, окруженной, словно стеною, кустарником и осененной сверху непроницаемым сводом громадных деревьев.

При всем своем исключительном хладнокровии и не раз проявленном мужестве, молодой человек насилу мог подавить в себе крик удивления и ужаса.

На поляне, на влажной и совсем лишенной растительности почве, были раскиданы совершенно изуродованные человеческие останки, или, точнее, обглоданные человеческие скелеты; на костях которых еще оставались клочки разлагавшегося мяса.

Фрикэ насчитал не менее тридцати таких трупов.

Между костями виднелись золотые и серебряные вещи – браслеты, серьги, ожерелья, притом лоскутки одежды, волосы.

Парижанин набрел на мясной склад Людоеда.

Почему же в этой берлоге пусто? Куда девался хищник, совершавший в ней свои гнусные пиршества?

Ведь Фрикэ не мог ошибиться. Слух у него был чуткий и

опытный. Он ясно расслышал давеча хруст костей, разгрызаемых чьими-то крепкими челюстями.

А теперь – никого!

Только нестерпимый запах. Фрикэ уже не мог дольше выдерживать и хотел уходить, как вдруг хруст костей раздался опять где-то в чаще.

Затем раздалось глухое, сдержанное рычанье.

Сомнений не было.

Неустрасимый парижанин поднял голову, стиснул рукой винтовку, пронзил своим светлым взглядом густой кустарник и тихо произнес:

– Людоед тут.

Глава II

Предрассудки по поводу свирепости диких зверей. – Дикие животные не нападают сами на человека. Охотничье тщеславие. – Почему Людоед? – Труслив и свиреп. – В берлоге. – Отступление тигра. – Беспольный выход. – Фрикэ не желает возвращаться с пустыми руками. – Назад к источнику. – Мальчик согласен играть роль приманки. – В засаде. – Прыжок тигра. – Выстрел. – Смерть Людоеда. – Действие пули «Экспресс».

Многие записные охотники, рассказывая про свои охоты и про диких зверей, не заботятся о правдивости, а руководствуются исключительно тщеславием. Им хочется порисоваться, увлечь хорошенько слушателей, чтобы те внимали им, разинув рты.

Ради этого они всегда все преувеличивают и про свирепость диких зверей наговаривают много лишнего.

И то сказать: кто станет их опровергать, уличать во лжи? Подвигов их никто не видал, а звери опротестовать не могут. Тут действует правило: не любо, не слушай...

Риск на подобной охоте вовсе не так уж велик, если не считать возможности схватить простуду – лихорадку, ревматизм, воспаление легких. Зверь становится опасен, начиная лишь с того момента, как охотник берет ружье, прицеливается и нажимает курок.

То, что мы сейчас утверждаем, настоящая правда. Святая истина.

Возможно, что лев, тигр или пантера увидели или услышали врага. У кошачьей породы слух тонкий, глаза видят ночью, как днем, обоняние тоже прекрасное. Если они не успели скрыться раньше при малейшем шорохе, то в них можно смело целиться: они и не подумают нападать сами, чтобы предупредить действия противника.

Стоит охотнику тихонько свистнуть – и зверь сейчас же пускается наутек. Если он опустит ружье и не сделает выстрела, «свирепый» хищник скроется, никого не тронув.

Никогда хищный зверь не нападает первый на человека, только разве что самки поступают так, и то, когда они с детенышами.

Но раненый зверь становится страшен и грозен и защищается отчаянно. Ранить хищника опасно, надобно уложить его сразу или уж не стрелять вовсе. Впрочем, даже и это не является непреложным правилом, чтобы раненый зверь бросался на человека, иногда даже раненный он старается убежать.

Известный Жюль Жерар, охотник и писатель, стяжавший себе имя «истребителя львов», в особенности не стеснялся рассказывать небылицы и больше всех содействовал формированию общественного мнения, будто бы дикие звери нападают на человека первые.

Мы не оспариваем заслуг и подвигов Жерара. Не оспариваем его титула. Но думаем, что этот титул все же не следо-

вало бы указывать на визитных карточках.

Жерар был первым французом, охотившимся на львов. Он мог бы и не преувеличивать, мог бы описать одну правду, тем более, что из его утверждений многое было опровергнуто людьми знающими еще при его жизни, что было ударом по его самолюбию.

Нет. Решительно – нет. Ни лев, ни тигр, ни пантера не нападают на человека, если не ранены им. Не было случая, чтобы охотник был убит, не бывши зачинщиком схватки.

И трудность не в том, чтобы послать в зверя пулю, а в том, чтобы его настичь, когда он убегает, скрывается и когда приходится отыскивать его ночей пятнадцать подряд, а иногда и двадцать, и тридцать.

Публика любит все страшное, любит всяческие преувеличения. Поэтому здравый взгляд на вещи еще только начинает вытеснять предрассудки, привитые Жераром.

Из правдивых охотников-писателей назовем генерала Маргерита, Жака Шассэна, Гордона Кумминга, Вильяма Балдина, Константина Шеро, Ипполита Бетуля и Пертюизе. Последний с глазу на глаз оставался со львом и в своей книге, полной юмора, интересно описывает волнение и в особенности неудачи африканского охотника.

Бетуль в своей замечательной статье, напечатанной в журнале «Chasse Illustree» за 1875 год, говорит: «Очень жаль, что подобные вещи написаны таким охотником, как Жюль Жерар, потому что его мнение, будто лев нападает на чело-

века, разделяется всею публикой. Если бы это было так, то Жерару не пришлось бы долго охотиться: не первый, так второй лев растерзал бы его, потому что ведь у животных слух и зрение развиты лучше, чем у человека, и, следовательно, зверь всегда имел бы больше шансов застичь человека врасплох, чем наоборот».

Но тогда, – справедливо возразит читатель, – как же в таком случае объяснить подвиги Людоеда? Тут большое противоречие.

Да, но это противоречие только кажущееся. Бывают исключительные случаи, но они крайне редки и только подтверждают правило.

Состарившись, тигр перестал находить себе пищу в джунглях, где он раньше ловил животных. Голод заставил его приблизиться к человеческому жилью. Однажды у источника он встретил женщину и решил на нее напасть.

И, поверьте, он сделал это после очень долгих колебаний и лишь принужденный крайностью обстоятельства.

Голод ему удалось утолить. Не имея по старости лет больше сил для того, чтобы гоняться за сернами и антилопами или напасть на буйвола, он стал частенько возвращаться за дичью, которую так нетрудно было отыскивать и оказалось так легко схватить.

Одним словом, тигр нападает на человека в крайней необходимости, и то только на слабого, безоружного. И утверждать, что у него появляется пристрастие к человеческому

мясу, тоже нет основания. Он питается им только потому, что другого достать себе не в силах, а безоружный человек слабее всякого животного.

К своим жертвам тигр подкрадывается так же коварно, как делал это прежде в джунглях, охотясь на животных, и спешит убежать, схватив добычу, чтобы съесть ее на свободе и в безопасности. Нападает он преимущественно на детей и женщин или на безоружных мужчин, бросаясь на них внезапно из какой-нибудь засады.

Но когда появляются английские офицеры шумной охотничьей ватагой, свирепый Людоед спешит укрыться куда-нибудь подальше и терпит голод все время, пока его ищут.

После тревог, причиненных ему охотниками, после всех этих петард и ракет наш тигр запрятался так далеко, что не показывался недели две. Все это время он жил впроголодь, как затравленный волк, питаясь крысами, ящерицами и лягушками.

Жители деревни уже думали, что избавились от него совсем, как вдруг его добычей сделалась мать Ясы.

Итак, услышав хруст разгрызаемых костей, Фрикэ стал ожидать немедленного нападения.

Но осторожный зверь, чувствуя, что его преследуют, хотел только одного – скрыться. С этого начинается встреча с человеком любого зверя, кто бы он ни был – от слона и до последней маленькой зверюшки в джунглях или в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.